

Жёлтая дорога

Страшная история

18+

Леонид Машинский

Леонид Александрович Машинский

Жёлтая дорога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45291832

SelfPub; 2019

Аннотация

В начале 90-х в нашу страну хлынул поток "ужастиков". Посмотрев кое-что, убедился, что мне, воспитанному на Гоголе и А.К.Толстом, не страшно. Тут и возникло желание написать что-нибудь по-настоящему страшное. За основу выбрал рассказ из детских страшилок, входивших в сборник Э.Успенского (учил по нему читать дочку). Закончена была вещь в 1994-ом, причём перед написанием чистовика я заболел желтухой в дороге (доделывал в больнице, на ст. Кавказской). Сам с удовольствием снял бы по своему сценарию 6-часовой сериал, но без финансирования не потяну. Когда редактировал – опять было страшно.

Содержание

ЖЁЛТАЯ ДОРОГА	6
(Кинотрагедия в 4-ёх частях* по детской народной страшной истории. Примерное время действия** – середина 90-ых годов XX-го века.)	6
Песенка «Куратовские страсти»	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
1	10
2	15
3	18
4	19
5	21
6	24
7	28
8	29
9	35
10	38
11	42
12	45
13	48
14	50
15	53
16	54

Конец ознакомительного фрагмента.

Леонид Машинский

ЖЁЛТАЯ ДОРОГА

**(Кинотрагедия в 4-ёх частях* по
детской народной страшной истории.**

Примерное время действия –
середина 90-ых годов XX-го века.)**

Посвящается Ирине Бяковой

*«...нет воли Отца Вашего Небесного, чтобы погиб один
из малых сих».*

Мт.18:14

*«...ядовитая вода застыла подобно ишаку, бегущему из
огня и стала льдом,*

*и когда окреп тот лед и перестал течь, яд выступил на-
ружу росой*

и превратился в иней,

и этот иней слой за слоем заполнил Мировую Бездну».

Младшая Эдда

Песенка «Куратовские страсти»

(вместо пролога)

[Исполнять на 3/4, бодренько, но не спеша, хорошенько проговаривая фразы.]

C G

Профессор Куратов был очень умён,

Am E7

Но, будучи навеселе,

F C

Он церковь заметил, с неясных времён

G7 C

Стоявшую в некоем селе.

F G C

Стоявшую в некоем селе.

Вернувшись из командировки домой,

Собрал он семейный совет,

Где единогласно признали тюрьмой

Две комнаты и туалет.

Семья, на раздумья не тратя минут,

Вспорхнула с насиженных мест;

И вот уж в той церкви они – тут как тут –

В три дня совершён переезд.

С трудом разместились на первый ночлег,
И в эту же ночь – кто бы мог
Подумать, ну разве больной человек! –
Профессорский помер сынок.

Ввели заморозку, поставили гроб,
И ждут... Во вторую же ночь -
Ну вот, если вру, провалиться мне чтоб! -
Скончалась профессора дочь.

А третьей по счёту – пропала жена,
Четвёртый – Куратов погиб.
И бедная тётя осталась одна –
Как в дачном лесу белый гриб.

Бесстрашная дева пошла на прорыв
Со шваброй, и духам отпор
Дала бы. Но те посмеялись, убив
И тётю... И с тех самых пор

Проклятая церковь мерцает во тьме
Огнями нечистых очей,
И может лишь олух в нетрезвом уме
Коснуться её кирпичей.

Несчастье за ним побежит по пятам,
Нагонит его на пути,
И, где бы он ни был, найдя его там,
Заставит из жизни уйти.***

*Автор подразумевает приблизительно 6-часовой (в целом) минисериал из 4-ёх полуторачасовых серий (в полном соответствии частям сценария) или, в крайнем случае (если это окажется необходимым для ТВ), из 8-ми серий, каждая – около 45-ти минут.

**Впрочем, действие может быть легко перенесено в любую современность.

***Исполняться всё это может как каким-нибудь бардом под гитару, так и настоящим трагическим хором.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Летняя Москва полна машинной и человеческой суеты. Проезжают легковушки, старые грузовики, мотоциклы. Рычание множества моторов сливается в монотонный и навязчиво-тошнотворный гул – от него так и разит выхлопными газами. Но чахлая и пыльная зелень дворов не сдаётся.

Из всего этого словно материализуется на пороге собственной квартиры Владимир, хорошо сложенный мужчина лет сорока, представитель бывшей технической интеллигенции. На лице его расплывается торжествующая улыбка,

– Ну как? – спрашивает, ответно улыбаясь, Светлана, его жена, симпатичная представительница бывшей технической интеллигенции, немного за тридцать.

– Завтра едем, – выдыхает муж, разувается и надевает шлёпанцы.

– Дети! Идите есть! – зовёт Светлана.

В маленькой кухоньке уютно. Вся семья в сборе сидит за круглым пластмассовым столом под низкоопушенным круглым жёлтым абажуром, который, как спелая ягода, наливается светом, глядящего в окно, ещё высоко стоящего июньского солнца. Детей двое: очень изящная девочка лет двена-

дцати, по имени Мая, и шестилетний мальчик с глубокими грустными глазами, его зовут Виталик.

– Ну, рассказывай! – прерывает Светлана слегка торжественную тишину, во время которой никто не решается толком приступить к трапезе.

– Ну... отпустил хозяин, – выдыхает Владимир. – Чёрт побери, чтобы я ещё хоть раз покупал билеты раньше, чем получу отпуск!

С. Но у тебя ведь все было заранее рассчитано?

Вл. У меня да, но кое у кого расчеты были совсем другие. И потом... Человек, который должен был меня заменить, попал в больницу.

С. А как же?..

Вл. А так.

Вступает Мая: Просто у папы хорошие отношения с начальством.

Вл. Просто, должен я хоть раз в жизни как следует отдохнуть?

С. А у тебя не будет неприятностей?

Вл. Да нет. Через два дня, которые выходные, выходит из отпуска еще один хороший человек. Я думаю, он способен попахать за меня две недели?

С. Ладно, ешь.

Вступает Виталик: Мама, а мы Миньке забыли положить.

В кухне показывается ещё один полноправный член семейства, лохматый, чёрный, неопределённой породы, всеоб-

щий любимец кобелёк Миня.

Вл. Миня, Миня! (подзывает) Ты чего меня не встретил?

С. Он какой-то хворый, ходит как пришибленный.

М. Мама, он просто спал.

Миня, виновато виляя хвостом, наконец, приближается к хозяевам.

– Сейчас-сейчас, – говорит Светлана и наполняет собачью плошку.

Но Миня, едва понюхав, не ест, а вместо этого, столь же виновато повилявая, отходит в дальний угол и там ложится.

М. Совсем плохой.

Виталик вскакивает из-за стола, подходит к Мине, гладит его, тащит к миске и пытается заставить поесть.

С. К ветеринару бы надо.

Вл. Ничего. Возьмём с собой – на травках поправится.

С. Ты его намерен взять с собой?

Вл. А ты разве договорилась, с кем его можно оставить? (Пауза). Миня! Завтра ты отправляешься в свое первое путешествие. Миня скулит.

С. Ничему не рад, бедняжка. Виталик, да отстань от него, иди доедай!

В. Мам, посмотри, какие у него глаза грустные.

С. Знаете что, ребята! Давайте выпьем, – она достаёт из холодильника бутылку сухого вина, наливает мужу и себе.

Вл. А Майке?

М. Папа, ты же знаешь, что я не пью, – она наливает себе

сока.

Вл. А, забыл: «Новое поколение предпочитает Пепси!»

С. Ви-та-лик!

Он с неохотой оставляет собаку и возвращается за стол.

Вл. (поднимает бокал) За добрые чудеса, которые, черт побери, ещё иногда случаются!

М. Нет, папа, это судьба. Вот у твоего коллеги была судьба попасть под машину, или из-за чего он там заболел? А у нас судьба – тащиться вслед за тобой к чёрту на кулички.

С. Не слишком ли часто поминаете чёрта?

Вл. (крестится) С Богом! Чокаются и выпивают.

С. Майка напоминает насчёт вашей намечавшейся поездки на юг.

Вл. Да. Но теперь это уже следующий год. Обязательно.

М. Этот раз тоже было обязательно.

С. Она боится вырасти из купальников, которые ты ей купил.

Вл. Купим ещё... Ребята! Вы не понимаете! У вас теперь – свой собственный дом. Настоящий, деревенский! В экологически-чистейшем, живописнейшем месте.

С. Только что-то уж больно далеко.

Вл. (Мае) Загорать, кстати, можно и там.

М. Ну конечно, второй Дагомыс.

С. Не дерзи отцу. Давайте лучше выпьем, – доликает Мае сока в едва отпитый стакан, хочет налить Виталику.

В. Мама, я боюсь, что Миня умрёт.

С. (зовёт) Миня! Миня!

Миня подходит и лижет ей руки.

С. Вот видишь, он не такой уж и больной. Просто у него сегодня настроение плохое. Может, поешь, Миня?

Миня делает вид, что ест.

С. Вот видишь? Ну! – поднимает она свой бокал, к этому времени наполненный Владимиром.

Чокаются и выпивают.

Вл. А вещи собраны?

Светлана пожимает плечами.

Вл. Сейчас доедим, и начинаем собираться.

В. (опять сидя на полу, рядом с собакой) Папа! Он ест.

Слышен звонок телефона.

М. Ой, это наверно меня!-

Слышно, как шуршит по полу шнур, она убегает.

Вскоре кухню покидает Миня, а за ним – Виталик. Супруги остаются вдвоём. Светлана смотрит на дожёвывающего мужа со слегка покровительственной нежностью, гладит его по редющим волосам.

С. Дурачок ты мой! Зачем тебе этот дом?

Владимир, поперхнувшись, откашливается, Светлана стучит ему по спине.

С. Знаю, знаю... Успокойся. Ну что, пошли собираться?

Вечер. Светлана заходит в комнату детей. Мая, в красивой ночной сорочке, перестилает себе постель. Виталик возбужденно возится с игрушками.

С. Мая! Сколько раз я тебе говорила – не клади подушки на стол!

М. Мамочка, куда их ещё класть?

С. Виталик, немедленно в постель!

Виталик вдруг пулей вылетает из детской. Мая демонстративно позёвывает, изучая не то белизну простыни, не то обложку цветастого журнала, лежащего рядом на тумбочке.

– Не злите меня, дети, – говорит Светлана и, взявшись было за подушки, бросает их и выходит.

А в родительской комнате, где среди прочего на стене висит хорошая репродукция ботичеллиевской «Весны», Виталик в это время допытывается у набивающего рюкзаки отца: А река там есть?

Вл. Есть, но маленькая.

В. А лес?

Вл. Лес большой.

В. А мы пойдём в поход?

В приоткрытую дверь заглядывает Светлана.

Вл. (не замечая её, Виталику) А как ты думаешь? Пойдём. Разумеется, пойдём.

С. А комары?

Вл. (вздвогнув) Комары? Слава Богу, что ты напомнила! У нас есть репеллент, только... (он рыщет взглядом по комнате)

Светлана быстро находит на шкафу два аэрозольных баллончика: Оба возьмём?

Вл. Как бы мало ни было – самое комариное время, – кладёт баллончики в карманы рюкзаков.

Вл. Слушай, сваргань чего-нибудь – пожрать в поезде.

С. Угу. Виталик, марш спать!

В. Пап, а змеи там есть?

Вл. Что? Не знаю. Надеюсь, что они нас не ужалят. Противозмеиной сыворотки, к сожалению, нет.

Светлана, выразительно посмотрев на Виталика, уходит на кухню.

В. Пап, а Миню в рюкзаке повезём?

Вл. Да нет, так, на поводке.

В. А-а.,. Ну я пошёл.

Вл. Да, а то мама будет ругаться – завтра рано вставать.

Виталик, пятясь и оглядываясь, уходит. Владимир, оставшись один, задумывается, потом достаёт из глубины шкафа некий прибор и упрячивает на дно своего рюкзака.

Из детской доносится телефонный звонок. Владимир настораживается.

– Кто там? – спрашивает он, выглянув в коридор.

– Это меня, – говорит взявшая трубку Мая. – Виталик,

выйди пожалуйста на минуточку, – она притворяет за братом дверь.

Виталик, уже раздетый, возвращается к отцу. Из кухни к ним подходит Светлана. Все стоят у дверей.

– Да, – слышится голос Май, затем её шаги. Далее – неразборчиво.

С. Кто-то звонил?

Вл. Майку ухажёры замучили, – он вновь приступает к упаковке вещей.

– Я там яйца поставила. Хорошо бы колбаски купить, – говорит Светлана с порога,

Вл. Об этом надо было раньше думать.

Светлана, обиженно хмыкнув, удаляется.

В. Па, а какие там есть животные?

Вл. Животные? Посмотрим. Но какие-нибудь – точно есть.

В. А вдруг там медведи? У нас же нет ружья.

Вл. Ну, если мы его не тронем, он нас скорее всего тоже не тронет. И потом, мы не станем слишком далеко забираться в лес... А ты что, боишься?

С. (вновь появившись) А вдруг, правда, медведи? Ладно, может быть, завтра, по дороге, купим.

Вл. Что? А-а...

Отстраняя мать, в комнату заходит побледневшая Мая.

С. Что случилось?

М. (помолчав) У Ирки маму в больницу увезли.

С. Господи, что с ней?

М. Не знаю, что-то с животом.

С. Может, ей чем-то помочь нужно?

М. (не смотря в глаза матери) Нет, она сказала, что папа дома.

С. Что ж такое делается?! Все болеют...

Вл. А мы, несмотря ни на что, едем в свой собственный дом, купленный, кстати, на честно заработанные деньги...

Мая, ты со мной согласна?

М. Да, папа.

С. (Мая) Иди спи. И ты, Виталик, тоже. Немедленно. И отключите телефон.

Вл. Кстати, деньги... – он чешет голову. – Где же они, чёрт подери! – приглядывается, ищет.

Мая, а затем Виталик, уходят спать. Светлана, иронично махнув рукой, – на кухню. Она делает потише огонь под кастрюлей и заходит в ванную. Долго смотрится в зеркало, как будто хочет что-то выспросить у своего отражения, но остаётся не совсем довольна и, отвернувшись, включает воду. Ванна наливается. Светлана выходит и гасит свет. В темноте слышен шум падающей воды.

3

Ночь. Владимир лежит в постели. Светлана заводит будильник.

С. Всё собрал?

Вл. Кажется.

С. Минин-то поводок нашёлся?

Вл. Вон валяется. Иди сюда, – он прижимает к себе сладко охающую жену и выключает бра.

Миня, лежащий в той же комнате у балконной двери, приподнимает уши, прислушиваясь к постельной возне супругов. Когда звуки приобретают устойчивый ритмичный характер, Миня осторожно приоткрывает дверь лапкой и выходит на балкон. На дворе самое тёмное время короткой июньской ночи, но всё освещено яркой голубоватой луной с небольшим левосторонним ущербом. На небе нет облаков, но звёзд из-за лунного сияния почти не заметно. Миня, созерцающий этот небесный фонарь, поднимает грустную мордочку, словно собираясь завывать, но не воет, а, медленно пятясь, заходит обратно и снова ложится, зарыв блестящий нос между передними пушистыми лапами. Под окном раздаётся кошачий крик, уши у Мини вздрагивают, но не встают и сам он больше не поднимается. На столе, в лунном пятне, тикает жёлтый будильник. На ковре, драпирующем стену у кровати, мерцает серебром подвешенный кавказский рог для возлияний.

4

Вот всё семейство с пожитками выходит из лифта. Миню

ведут на поводке попеременно, он непрестанно путается под ногами. Вот они в троллейбусе, вот в метро (Миня сидит на руках у Виталика). Вот они на вокзале, и пытаются высмотреть на табло номер и время отправления своего поезда. И вот, наконец, вся

компания – по лавкам в общем вагоне. Владимир и Виталик сидят за столиком, образованным нижней боковушкой, Мая – за столиком у окна напротив, у задней по ходу поезда полузагородки, Светлана – на той же койке, ближе к проходу, Миня выглядывает у нее между ног. Светлана читает книгу, Владимир – газету, Виталик ест мороженое, Мая смотрит в окно на ещё не успевшие скрыться из виду городские пейзажи. В вагоне не стихает бормотание разносчика газет:

– Политика, эротика, мистика, кроссворд, программа на следующую неделю...

Маины визави, два мужика, один постарше, другой помоложе, уже закусывают водку бутербродами. Под лавкой, задев Миню, перекатывается пустая пивная бутылка. В соседнем алькове с одной стороны плачет полторагодовалый ребенок, с другой – то ругаются, то смеются темпераментные восточные люди. Всю эту какофонию поглощает нарастающий стук вагонных колес. Виды за окном мелькают всё быстрее – уже никакого намёка на город, полустанки, деревушки, поля, лес, да лес, да лес, да лес... Постепенно темнеет, зажигается электричество...

Светлана спит на верхней полке, под которой сидела, Мая

– на нижней, Виталик – на верхней боковушке. Зачитавшийся Владимир, так и не разобрав свою койку, задрёмывает сидя. С его расслабленных колен, толчок за толчком, сползает толстая газета со статьёй под бросающимся в глаза заголовком «Параллельные миры». Перед ним на столе раскачивается в стакане недопитый мутный чай. Мужики-пьяницы, оставив после себя пустую посуду и объедки, куда-то надолго удалились. Кавказцы за стеной похрапывают. Поезд, делая небольшой вираж, выезжает на открытое пространство. Из-за высоких деревьев выпархивает уже почти совсем полная луна, такая же, как давеча, яркая и синеватая. От этого неожиданного света Владимир морщится, но не просыпается. Газета, шурша, окончательно съезжает на пол, это будит Владимира. Он протирает глаза, потянувшись, встаёт и начинает устраивать свой ночлег, при этом толкает, но вовремя ловит, почти не расплескав, не замеченный им стакан. Мая несонными глазами наблюдает за манипуляциями отца, затем переводит взгляд на пляшущую в районе его головы низко стоящую луну. Поезд опять въезжает в лесную тьму. Мая отворачивается к стенке. Миня поскуливает, не способный отвязаться от назойливо толкающей его в бок бутылки. Темнота. Колёсный стук.

5

Семья выгружается из разухабистого газика с выдавшим

виды военным фургоном. Вышедший из кабины, Владимир помогает остальным скинуть вещи и самим спуститься на землю. Шофер тем временем заинтересованно посматривает на бьющуюся перед ним у стекла недогадливую муху – боковое окно и даже дверь открыты. Последним из кузова вынимают, истерично взвизгивающего Миню.

– Всё. Спасибо, – говорит Владимир высунувшемуся водиле.

Машина натужно заводится и, сделав широкий разворот, ковыляя на травянистых ухабах, уезжает прочь. Судя по обилию растительности, непомерно широкая деревенская улица нечасто посещается автотранспортом. Перед стоящими во круг рюкзаков и сумок героями, метрах в двадцати, чёрный, чуть покосившийся, рубленый дом средних размеров, в три окна на улицу. Перед домом – маленький палисадник, огороженный доживающей последнее деревянной оградой. Земля в палисаднике, контрастируя с уличной зеленью, черна и почти лишена растительности, в одном месте едва угадываются полузатоптанные старые грядки. Только на самом переднем плане, в левом углу, пышнейшим цветом цветёт, вдвое превосходящий по высоте ограду, куст лиловой сирени. Еще какие-то древесные насаждения, скорее всего, толком не расцветшие по неизвестной причине чахлые яблони или вишни, лишь еле-еле проглядывают на задах. Дом находится на небольшой пологой горке и поэтому обозревается несколько снизу. К нему едва ли можно отыскать прямую тропинку в

густо украшенной одуванчиками траве. Соседние строения по обе стороны отстоят своими оградами от ограды дома не менее, чем на тридцать метров. Столь обширные прогалы, заросшие бурьяном и кустарников, ведут в гору и, вероятно, переходят в окрестные поля.

Около двенадцати часов дня. Светит солнце, но не особенно жарко. Время от времени по зеленеющим неровностям грунта прокатывается порывистый ветерок. Сообразуясь с торжественным настроением, наконец созерцающего желанную цель главы семейства, все выдерживают паузу. Даже Миня молчит, не сводя глаз с напыщенного лица хозяина и не в силах понять, для чего он устраивает этот дурной театр. В тишине толстый оранжевый шмель успевает сесть на цветок у ног Майи, выпить нектара и не спеша отправиться дальше.

Немую сцену разрушает Светлана: А что бы было, если бы мы не поймали попутку? Сколько ты ему, кстати, заплатил?

Вл. Не разоримся.

С. Здесь пятьдесят километров, не меньше.

Вл. Тридцать, не больше. С. И мы бы что', их топали?

– Папа, пойдем! – нетерпеливо вступает Виталик.

Вл. Ладно... – он взваливает на плечи самые тяжелые вещи. Миня неуверенно забегает вперед.

С. (надев рюкзак) Ладно – так ладно. Нет, Виталик, это я понесу, – отбирает она у сына объёмистую сумку.

Последней к отвалившейся на верхнюю петлю калитке подходит Мая. У неё на спине – кокетливый желтый рюкзачок, в руке – лёгкая сумка. Привалившись к калиточно-столбу плечом, она с холодным любопытством следит, как отец, чертыхаясь, возится с навесным ржавым замком, а Светлана с Виталиком напряжённо ждут у крыльца; затем оборачивается и оглядывает деревенскую улицу, теперь уже сверху. По улице, покудахтывая, проходит белая курица, с общипанной до розового спиной. Затем с той же стороны, появляется босоногая чумазая девочка, ровесница Виталика. Она останавливается напротив калитки, оставленной Маей полуоткрытой, смотрит вслед Мае, уходящей и исчезающей за дверью дома. Опять налетает ветерок, калитка покачивается и поскрипывает. Девочка делает к ней несколько шагов, но не дойдя замирает и вдруг, резко сорвавшись с места, стремглав убегает под горку. Курица, чуть не сбитая с ног, возмущённо причитает, взмахивая немощными крыльями.

6

Владимир, стоя на допотопной табуретке, вокруг которой так и крутится Миня, ввинчивает специально захваченную лампочку в одиноко свисающий с потемнелого потолка патрон. Светлана в нерешительности остановилась перед покрытым облупившейся белой краской допотопным кухон-

ным столом в загородке у печки.

– Ну что, будем обживаться? – ищет она поддержки у мужа.

– Как видишь, я уже, – вещает сверху Владимир. Светлана выгребает на стол привезенные продукты и только теперь замечает перед собой малюсенькое, покрытое несколькими слоями запылённой паутины, почти уже непроглядное оконце.

– Есть тут какая-нибудь тряпка? – спрашивает она Владимира .

– Вон, кажется, – говорит тот, указывая сверху на печку, и слезает на пол. – Пойду схожу за водой.

С. Вёдра-то есть?

Вл. Одно видел.

С. Слушай, ты вообще здесь был или нет?

Вл. Ты же знаешь, что это было давно и неправда. Два года назад.

С. А тогда вёдра были?

Вл. (вкрадчиво) Свет, ну я ж тебе говорил: мы сюда заехали только на минутку, на машине. Сюда и обратно. Сам хозяин живет в райцентре, здесь, жила его мать, ну... Смешные же деньги! Я не мог отказаться. Всю жизнь мечтал забиться в какую-нибудь берлогу.

С. Доволен?

Вл. Очень.

С. Ступай за водой.

Вл. (после короткой паузы) Во! У нас есть канистра, можно ее использовать, – он пытается как можно быстрее извлечь канистру из тесного для нее рюкзака.

Светлана, не достаивая больше супруга вниманием, продолжает осмотр помещений. Взгляд её падает на широкую кровать в тёмном углу. Эта кровать покрыта порванным в нескольких местах лоскутным одеялом, на самом её краю, сложив руки на коленях, сидит сонная Мая. Встретившись глазами с матерью, она залезает на кровать целиком, не снимая одежды и обуви. Престарелые пружины немилосердно трещат под ней. Мая брезгливо отряхивает отсыревшую матерчатую поверхность и наконец решается возложить на неё свою тщательно вымытую голову. Светлана щёлкает выключателем, и Мая, лежащая на спине, зажмуривается от внезапно вспыхнувшего яркого света. Свет гаснет, Мая облегчённо вздыхает и, сопровождаемая неотвязной канонадой пружин, переворачивается на бок. За краешек кровати слегка выступают ее легкие ноги в новёхоньких фиолетовых кроссовках.

Светлана, против часовой стрелки, отступив от кровати с дочерью, идёт по периметру избы, осматривает и ощупывает бревенчатые стены. На них – ничего кроме паутины, и только в одном месте, как раз на уровне Светланиных глаз, притороченный четырьмя кнопками чёрно-белый фотографический портрет, сантиметров 15 в длину и 10 в высоту. Светлана приглядывается – почти вся стена в полумраке, но

большую часть фотографии высвечивают лучи из далёкого окна. Это молодая, довольно привлекательная женщина со светлой косой, обёрнутой вокруг головы, старомодное платье подчёркивает грудь, женщина улыбается несколько натянутой, но всё же вполне приятной улыбкой, впрочем «приятность» улыбки заметно меняется, если смотреть на её лицо под немного разными углами. Светлана одним движением удаляет с портрета нависающую над ним прядь паутины с засохшими мухами и вздыхает. Кого-то ей это лицо очень напоминает, хотя – по всему – оно должно принадлежать бывшей хозяйке. Светлана всё никак не может оторваться от этого лица, вдруг решает оторвать карточку и уже берётся за уголок, но тут раздаётся голос Владимира:

– Свет, ты где? Я воду принёс.

– Принёс? Хорошо, – Светлана, ещё раз вздохнув, отрываясь от созерцания и идёт навстречу мужу.

Фотография остаётся на своём месте. Всё-таки это лицо сильно похоже на лицо самой Светланы.

Виталик выходит из полупровалившейся в землю уборной, которую отыскал на задворках. На его лице плохо сдерживаемое отвращение, он сильно выдыхает воздух, отходит от сортира подальше и глубоко дышит. Его внимание привлекает бабочка, дневной павлиний глаз. Повитав возле самой Виталиковой головы, она садится на опорный столб ветхого забора. Виталик, крадучись, подходит, тянет руку и пытается сомкнуть пальцы на бабочкиных крыльях, но в са-

мый последний момент она вспархивает и увеличивающимися кругами набирает высоту; в конце концов, бабочка вылетает за ограду, где, доцветая и соря лепестками, в одну линию стоят несколько старых развесистых черемух. За ними начинается неширокое поле сорняков, за полем голубеет лес.

7

В полутёмной комнате бормочет радио, передают погоду в жарких странах. Транзистор стоит на узком подоконнике, а рядом, освещенный косыми лучами закатного солнца, на табуретке сидит Владимир. В тёмном углу громко ворочается невидимая Мая.

– Май, ты спишь, – спрашивает её отец.

– А?!. Я в этом поезде не выспалась ни фига, – отвечает сонная дочь.

Вл. И Виталька завалился. Свет, а ты не спишь?

С. Нет, я читаю.

Вл. В такой темноте? Давай, свет включу.

С. Да нет, я тоже наверно шас буду спать. Где мы разложимся?

Из темноты появляется помятая Мая:

– Где тут... удобства?

Вл. Во дворе. (указывает) Там – сзади.

Коротко кивнув, Мая уходит как сомнамбула. Из транзистора хрипловато вытекает весёлая музыка.

– Слушай! – вдруг оживлённо обращается к жене Владимир. – Да не музыку! Молоком бы надо разжиться. А то Майка ещё не ела, да и я не прочь... ещё разок подзаправиться.

С. Где ты его возьмёшь.

Вл. Да видел тут одну бабу с козой.

С. Может, она умерла?

Вл. Пойду посмотрю. Миня, пойдем!

Миня порывисто вылезает из-под лежанки, на которой спит Виталик. Владимир и он уходят. Светлана водружает обратно на глаза, приподнятые для разговора, плюсовые очки, чертыхается и, пошарив рукой впотьмах, включает свет. Подойдя к сыну, спящему на спине с открытым ртом, она пытается осторожно вынуть из-под него байковое одеяло, но в конце концов удовлетворяется тем, что лишь прикрывает ему углом одеяла ноги. Разгибаясь от своих трудов, Светлана замечает на стене у кровати весьма поблёкшую и потемневшую от времени фотографическую карточку. Смахнув пыль рукавом, Светлана разглядывает портрет какой-то довоенной, а то и дореволюционной, дамы в шляпке с вуалью. После этого подходит к пристроенному за печкой и уже очищенному ею осколку зеркала и, сняв очки, задумчиво прихорашивается. Виталик несколько раз всхлипывает во сне.

8

Солнце уже наполовину скрылось за безоблачным гори-

зонтом. Владимир в сопровождении послушно трусящего за ним Миня приближается к соседскому забору, пытаясь определить, где калитка. Приподнявшись на цыпочки, он заглядывает за ограждение, перевитое колючей малиной вперемежку с высокой крапивой. Миня тоже привстает на задние лапы, передними упёршись в гниловатые жердины. Под натиском героев забор издаёт треск. Откуда-то из-за дома вслед за грохотом, вытягиваемой из конуры цепи, раздаётся басовитый надсадный лай. Миня впадает в лёгкую панику и обжигает нос, отчего паника усугубляется, а Владимир что есть силы кричит:

– Эй! Есть кто-нибудь?!

Сквозь шум, производимый встревоженной собакой, едва проступает приближающееся слабое шарканье. Наконец, в просвете между кустами Владимир видит не менее чем семидесятипятилетнюю согбенную бабку, в платье самого затрапезного вида, надвинутом на брови платке и с сосновой палкой в корявой неотмываемой руке. Привычным движением другой руки она разгоняет снующих вокруг вечерних насекомых и неторопливо пробирается к ограде, в не заросшем, а потому доступном, месте поближе к Владимиру. Владимир с Миней подходят со своей стороны туда же.

– Здравствуйте! – гаркает Владимир, на всякий случай погромче. Цепная собака лает тише и реже, и Миня почти успокаивается.

– Здравствуйте, – с далёким опозданием кланяется стару-

ха.

Вл. Мы – ваши новые соседи.

Бабка, как будто не слыша, молчит, отбиваясь от комаров. Владимир прихлопывает одного, уже напившимся его кровушкой, у себя посредине лба.

– Извините, пожалуйста! – говорит он ещё громче прежнего. – Я, кажется, вас тут видел с козой! У вас случайно не найдется молока, хотя бы поллитра?!

На этот раз старушка морщится, как будто оглоушенная.

– Молока? – переспрашивает она.

Вл. Да, молока. У меня двое детей. Если у вас есть, я куплю. Сколько вы хотите?

Б. Милай, нету молока.

Вл. А что так?

Б. Вот так. Совсем плохо Зорька доится. Нынче вовсе три капли.

Вл. А у вас одна коза?

Б. Одна, милай.

Вл. Всё та же? Я вас видел два года назад.

Б. Вы, что ж, надолго приехали?

Вл. Недели на' две. Я здесь дом купил (Владимир говорит уже почти на нормальной громкости).

Б. А, д-да, Матрёнин. Вы, может, хотите яички?

Вл. А яички есть?

Б. Яички принесу.

Вл. Ну, принесите пожалуйста.

Б. Сколько вам?

Вл. Сколько дадите.

Бабка удаляется. Владимир ожесточённо размахивает руками, отгоняя насекомых. Миня тщетно клацает зубами, пытаясь схватить эту мелкую добычу. Старухина собака замолкла. Солнце село в лес на западе, там по розовому фону проплывает маленькая одинокая тучка.

Вл. В следующий раз надо брать реппелент, правда, Миня?

Миня в ответ делает несколько кругов, гоняясь за собственным, особенно уязвимым подхвостьем. Бабка возвращается, уже без палки, она прижимает обеими руками к груди штук семь-восемь перепачканных в помёте яиц.

– Этого хватит? – спрашивает Владимир, протягивая ей между кольев купюру.

– Спасибо, милай, – говорит бабка и одно за другим начинает передавать ему яйца. Ничего лучше не придумав, Владимир напихивает их в карманы штормовки.

– Спасибо, милай, – говорит еще раз бабка, уже сжимая в ладони заработанные деньги.

Вл. А может, молочко потом всё-таки будет?

Б. Приходи завтра.

Вл. Спасибо.

Старуха повернулась и медленно заковыляла к своему, ещё более старому и запущенному, чем купленный Владимиром, дому. Владимир с Миней тоже сделали несколько

шагов от забора.

– До свидания! – кричит Владимир, вспомнив, что не простился.

– А, до свиданья, до свиданья, милай, – отзывается бабка. Вл. Послушайте, а правда, что здесь есть медведи?!

Б. Медведи? Говорят, ходит тут. Я в лес не хожу. Говорят, ходит. А вы что, никак охотиться?

Вл. Да нет, что вы! Видите, какой у меня зверь?!

Е. А, ну вы поосторожне'й. Я тут всю жизнь живу – никогда далёко не ходила. Спаси Бог! – крестит Владимира.

Вл. Спасибо, мы постараемся. Ну, всего хорошего!

Всё более вечереет. На траву по краям тропинки, по котором Владимир с Миней возвращаются домой, уже пала поблёскивающая роса. От комаров просто нет спасу. Забывшись, Владимир хлопает себя по карману и разбивает несколько яиц. Он чертыхается, сплёвывает и, оттопырив карман большим пальцем, прибавляет шагу. Миня спешит за ним.

Видимо, в ответ на Владимирову ругань, цепная собака опять взлаивает. Бабка, проходя мимо, замахивается на неё. Собака, заскулив, прячется в будку, а старуха убивает занесённой рукой комара у себя на плече, затем она скрывается за углом дома. Слышно, как прогибаются ступени крыльца под неуклюжими бабкиными валенками. Скрипит открывающаяся дверь и навстречу входящей совершают стремительную перебежку босые детские ноги.

Б. Чаво соскочила?

Детский голос (далее – Д.Г.) Бабуль, кто это?

Б. Дачник. Яйца продала. Ложись. Молочка-то попила?

Д.Г. Бабуль, а он злой?

Б. Да какой злой? – дурак дураком. Тьфу ты, Господи,

Пресвятая Матерь Богородица!

Д.Г. Бабуль, ты молишься?

Б. Ложись, не гоноши, – она наконец затворяет за собой входную дверь.

Е, Вот карга старая – комаров напустила!

Д.Г. А чего Трезорка-то так лаял?

Б. Ложись, говорю, Машка!

Д.Г. Да я лежу уж, – и опять слышен перестук детских пяток.

Бабка возится в углу перед небольшой, донельзя закопчённой иконой, зажигает красноватую лампадку.

Б.Ох, грехи наши тяжкие! – она утирает слезу в углу глаза кончиком подвязанного под подбородком платка, почти неслышно проборматывает «Отче наш» и несколько раз повторяет «Спаси и сохрани!»

Почти совсем стемнело. На небе зажигается полная луна, на неё напоззает лубочное полупрозрачное облачко. Из-за бабкиного сарая, жужжа, появляется толстый бражник и, собирая нектар, хлопчет над сиреневым кустом.

Позднее безветренное солнечное утро. Мая в лилово-зелёном бикини загорает, расположившись на усыпанной жёлтыми цветами лужайке впереди палисадника. Блаженная на-секомая тишина прерывается лишь далёкими криками петуха и ещё более далёким, по временам возобновляющим работу, мотором трактора. Из калитки, погромыхивая пустым ведром, выходит Владимир,

– Уже загораешь? – спрашивает он дочь, одновременно мельком осматривая сорванную петлю.

М. Не хочу терять время.

Вл. Молодец, – он уходит за водой.

Из калитки появляется заспанный Виталик. На заднем плане, не без труда спустившаяся с поломанного крыльца, Светлана выливает из кастрюли грязную воду под забор. Вслед за ней с крыльца сваливается и бежит через калитку к Виталику запоздавший Миня. Он только что поел и все ещё облизывается.

М. Виталик, будешь загорать?

– У-у, – мотает Виталик головой.

М. А что будешь делать?

Виталик задумывается. Тут в его поле зрения оказывается та самая вчерашняя девочка. Мая переворачивается на живот, следя за взглядом брата,

М. Подругу нашёл?

Виталик, ничего не ответив, делает несколько нерешительных шагов в сторону незнакомки. Девочка, до сих пор передвигавшаяся почти бегом, потупившись, переходит на подчеркнута широкие, редкие шаги. Вот они совсем рядом, но оба делают вид, что идут как бы мимо друг друга, каждый по своему делу.

– Эй! – окликает Виталик девочку, когда та уже прошла, девочка оборачивается и диковато вскидывает голову.

В. Как тебя зовут?

Маша (далее – Мш.). Маша. А тебя?

В. Виталик.

Мш, Ты дачник?

В. Что?

Мш. Что-что! Ты – дачник, говорю!

В. А ты здесь живешь?

Мш. Дачник, дачник... А это твоя собака? – она с некоторой опаской гладит Миню.

В. Чего дразнишься? Моя.

Мш, (вдруг) Будем играть.

В. А во что?

Мш. Пойдём.

В. Пойдем.

М. (кричит) Смотрите, далеко не уходите! Слышишь, Виталичек?!

Виталик, глядя на сестру просящими глазами, утверди-

тельно кивает головой. Они с Машей скрываются за растущими посреди улицы кустами сиреневых кустов. Из-за калитки выглядывает Светлана .

С. Куда это они?

Мая в наигранном недоумении разводит руками.

С. Не перегреешься?

М. Я ещё просто согреться не успела. А ты чего там делаешь, мам? Иди тоже загорать.

С. Да как-то, посреди деревни...

М. Да ладно, тут нет никого. Ну?

С. Щас, посуду помою и подумаю.

Мая опять переворачивается на спину. Возвращается Владимир, с полным ведром и с небольшой доской под мышкой.

– Далеко тут колодец, – сетует он, приостановившись рядом с дочерью. – Плеснуть на тебя холодненькой?

М. Вот ещё!

Вл. Хорошо припекает! – он по пояс гол, рубашку обмотал вокруг бедер. Волосы и брови мокро блестят – следы умывания у колодца. Боком протискивается в калитку.

– Идёшь? – встречает его с порога Светлана. – А Виталька невесту себе нашёл.

– Да ну? – Владимир взбирается на крыльцо. Они со Светланой скрываются в доме.

Мае надоедает лежать просто так и она начинает плести венки из одуванчиков. Сперва она использует лишь доступ-

ные ей из лежачего положения цветы, но за каждым новым цветком приходится тянуться дальше и дальше. Мимо галопом пробегает уже знакомая или очень похожая на неё курица. В безоблачном полдневном небе гудит еле видимый самолёт. Мая садится, стряхивает вползшего к ней на запястье рыжего муравья и, слегка привставая за каждым очередным одуванчиком, продолжает свое дело. Со спины видно, как в такт плетению вздрагивают её, слегка покрасневшие лопатки.

10

Виталик и Маша в зарослях у ручья. На дне оврага темно-вато, но, проникая сюда через кроны деревьев, на воде и на илистом прибрежном грунте пляшут многочисленные солнечные зайчики,

– Вот, – говорит Маша и указывает на огромное разлапистое дерево, часть корней которого уходит прямо в воду. Под деревом ручей разливается, замедляя течение. Это, залитое солнцем, круглое пространство – здесь наиболее светлое место. Миня, чвакая лапами по мелководу, приближается к могучему стволу и, недолго попринюхивавшись, оставляет на нём свою метку.

– Бесстыдник, – констатирует Маша, но сама вдруг отходит в сторону и тоже присаживается. Виталику ничего не остается как поддержать компанию.

– Видал? – подтягивая трусики, спрашивает Маша.

В. Чего?

Мш. Дупло.

В. А-а! – он только сейчас замечает метрах в трёх с половиной от основания ствола внушительную чёрную дыру.

Мш. В нём ведьма живёт.

В. Да ну?

Мш. (пугает) У-у-у!

В. (невольно вздрогнув) Давай туда залезем.

Мш. Она тебя съест,

В. Нет там никого! – он приближается к дереву, перепрыгивая с корня на корень, чтобы не замочить ноги в сандалиях.

Миная с удовольствием лакает прохладную ручьевую влагу. Ручей приятно шумит и поблёскивает камешками, над солнечным песчаным дном заводи снуют беспокойные водомерки. На припёке досаждают мухи, а в тени покусывают комары. Виталик вплотную подходит к стволу и ищет удобный подъем к дуплу.

– Ты куда?! – остановившись от дерева метрах в двенадцати и уже не сходя с места кричит Маша.

В. Боишься? Щас туда залезу.

Мш. Не надо. Она тебя съест!

В. иди сюда. Смотри, – он начинает подниматься, цепляясь за трещины ствола.

– У меня есть спички – вот! – вдруг не к месту вспоми-

нает о коробке, припрятанном в кармане шортов, Виталик. Он использует одну руку, чтобы достать и показать своё сокровище, от чего не удерживается и соскальзывает, обдирая коленку. Сидя на сырой земле, он корчится и постанывает от боли. Маша, забыв свои страхи, прямо по воде бежит Виталику на помощь.

В. Всё уже. Чёрт, спички в воду уронил!

Маша подхватывает качающийся на водяной пленке коробок, ещё не успевший окончательно промокнуть. Виталик встаёт и опять примеривается лезть на дерево.

Мш. (страшным шёпотом) Пойдем отсюдава!

В. А дупло?

М. (отступив на несколько шагов) Смотри, у тебя чего, – указывает на кровь.

В. Надо было не шорты, а длинные штаны одевать. Ладно, мы потом сюда придём. Миня! – переминаясь на месте, Виталик слегка прихрамывает.

Миня весело выпрыгивает из кустов,

– Пошли! – Виталик дёргает головой, указывая собаке направление. Маша, задрвав подбородок, с ужасом, но и с любопытством, смотрит на дупло, к которому никогда ещё так близко не подходила. Она пятится задом, боясь подставить шею его зияющей мрачной пустоте.

– Пошли скорее, – просит она Виталика, не сводя глаз с дупла и продолжая отступать.

Виталик обмывает в ручье грязь с раны, суеющийся ря-

дом Миня пытается её ещё и полизать. Вдруг Маша спотыкается о камень и с громким плеском садится в воду,

Мш. Ой! Мама!

Виталик подбегает к ней, уже вовсе не заботясь о сухости обуви, и подаёт руку. Миня, поднимая фонтаны переливчатых брызг, носится вокруг. Маша встаёт на ноги и отжимает мокрый подол.

– Сними трусы, а то простудишься, – советует ей Виталик. Маша послушно снимает старенькие трусики и дальше несёт их в руке. Они поднимаются из оврага по извилистой скользкой тропинке: впереди Маша, за ней Виталик, а за ними, то и дело, впрочем, забегая сбоку и обгоняя их, на редкость весёлый сегодня, Миня. Процессия скрывается за смыкающимися кустами. На фоне победительного шума текучей воды слышны бестолковые потрескивания ломающегося под детскими ступнями валежника и собачье пыхтение. А на мели у корней дерева-великана всплывают и лопаются пузыри, проплывают слизистые обрывки водорослей, щепочки, дохлая рыбка. В листе перепархивают и перекликаются маленькие птицы. Одна, вроде поползня, было подлетает к дуплу и зацепляется лапками за его нижнюю кромку (верхней почти не видно в кромешной тени), но, спустя мгновение, будто спохватившись, срывается и, задевая крылышками за листья, улепётывает поглубже в заросли. Недобро и пристально уставилась огромная древесная пустая глазница на светлую журчащую прогалину перед собой.

Владимир заменяет полусгнившую ступеньку крыльца, найденной им доской, делает замеры, постукивает топором. На крыльце появляется Светлана.

С. Не работает твоя розетка.

Вл. Работала же,

С. Иди сам смотри,

Владимир с досадой оставляет начатое занятие и, вскарабкавшись через пока отсутствующую ступень, углубляется в дом. В калитку заходит уже до одури назагоравшаяся Мая. На её голове умело сплетённый, пышный, ярко-жёлтый веночек.

– Мам, я есть хочу! – кричит Мая, ещё не дойдя до крыльца. В доме слышится хозяйственная возня. Мая с недовольством глядит на не законченную отцом работу, затем – на свои ладони, они все в буроватых разводах от одуванчикового сока. Она разворачивается и идёт к допотопному умывальнику, подвешенному на столбе забора, тут же, на полочке, красуется новый ядовито-зелёный кусок мыла. Мая тщательно моет руки и лицо, при этом веночек время от времени съезжает ей на лоб, и она грациозно водружает его на место.

– Май! – кричит выглянувшая Светлана.

М. (встряхнув головой) А?

С. Ты кричала? Папа починил розетку, щас супчик пакет-

ный сварю. Потерпи полчаса.

М. Так долго?

С. Ну, двадцать минут. Пока вскипит... Виталик! – зовет она, заметив проходящих за забором Виталика с Машей.

В. Да, мам!

С. Далеко не уходи – скоро обед!

В. Хорошо, мам! Я к Маше в гости пойду!

С. Ладно, иди. (Маше) Тебя Маша зовет?

Маша коротко кивает.

С. Очень приятно! Заходи к нам. Тоже в гости.

Маша, потупившись, кивает ещё раз и спешит уйти, Виталик – следом.

С. (Мае) Надо же, какой ушлый! Уже подругу себе нашел. Ты-то жениха себе не приглядела?

– Что ты, мам! – отвечает Мая, без энтузиазма рассматривая свои почти не отмывшиеся руки. – Здесь – разве что медведи. Но боюсь, ни один из них не превратится в прекрасного принца.

С. Ну ты даешь! Ладно! Руки моешь – правильно... (скрывается в доме)

М. (несколько раздосадованно) Уже помыла... – так и не найдя ничего похожего на полотенце, она, закрыв глаза, подставляет лицо и ладони уже опускающемуся солнцу. С крыльца тем временем сходит отец и готовится продолжить работу.

Вл. Май, нос будет шелушиться!

М. Ой, правда! – немедленно срывает листок растущей рядом малины и прилепляет его слюной к носу.

Вл. А очки свои черные чего не надела?

М. Да ну их! Они мне не идут.

– Виталька-то где? – спрашивает Владимир, прилаживая доску.

– В гости пошёл, – досыхая, отвечает Мая.

Вл. А! Говорят, здесь какая-то девочка? Интересно, из какого дома? Заметила, здесь как-то пустынно? Кроме этой бабки не видел никого. Вон в том доме (он указывает топором) вообще по-моему никого нет... (прерывается, чтобы забить гвоздь)

Опять выглядывает Светлана: И знаешь, что ещё. Натяни где-нибудь веревку. Бельё сушить,

Вл. А!? Хорошо, будет сделано! (Светлана скрывается). Так вот. Лето вроде... Если даже тут повымерли все, на лето-то должны какие-нибудь родственники приезжать? Места-то классные... (прерывается, чтобы забить второй гвоздь).

М. Что ты хочешь этим сказать, папа?

Вл. (не сразу) Ничего. Рассуждаю... Во! вроде запахло! Жрать охота – кошмар.

М. Благотворное влияние свежего воздуха.

Владимир, сидя на корточках, в упор рассматривает аппетитно порозовевшую на солнышке дочь: Тебя комары не едят?

М. На свету их нет.

Вл. Ты бы оделась.

М. Я тоже думаю... Пропусти. Пожалуйста.

Вл. Полезай. Пока не наступай... (сторонится)

Мая, лицом к отцу, грациозно перескакивает ещё не закреплённую новую ступеньку. Владимир опять принимается стучать, вгоняя обухом гвозди. Этот стук гулко раздаётся в пустой деревне. Уже слегка начинается вечереть, и воздух становится сыроватым. С запада набегают тёмно-синие неприветливые тучки.

12

Удары Владимирова топора резонируют в поленнице на дворе у бабки. Она уже успела отчитать внучку за неряшество и выдать ей сухие трусы и платье, на этот раз довольно приличное, голубенькое с коротким рукавчиком.

Б. Как твоего кавалера-то звать?

Мш. Виталик.

Б. А. Ну, гуляйте-гуляйте!

Мш. Ба, а Зорька где?

Б. Там (указывает на луг за домом). А тебе чего?

Мш. Хочу Виталику показать.

Б. Смотри не ба'луй! – она с кряхтением удаляется в дом и начинает там греметь посудой.

В самом дальнем углу цветистого луга пасётся серо-белая

коза Зорька. Дальше за лугом – ложбинка, а за ложбинкой – синеватая стена леса. Виталик и Маша, то и дело отвлекаясь на вылетающих из-под ног бабочек, подходят к козе,

В. Она не кусается?

Мш. Нет, она добрая. А где твоя собака?

В. К папе наверно убежала.

Мш. А как твоего папу зовут?

В. Володя. Давай на ней покатаемся.

Мш. Бабушка заругается.

В. Чуть-чуть, – ходит вокруг козы, опасливо поглаживает её промеж рожек, успокаивает всячески и, наконец, решает влезть верхом.

В. Смотри! – Коза делает под ним несколько неуверенных шагов. Наездник, до сих пор прижимавшийся к её спине, наконец распрямляется, догадавшись ухватиться за отставленные назад рога.

– Но-о! – пришпоривает Виталик свою жертву.

Маша смотрит на него с восхищением, но тут же шепчет:

– Бабка заругается!..

Коза, с оседлавшим её Виталиком, тяжело проходит в сторону дома столько, сколько ей позволяет привязь, и поневоле поворачивает обратно.

Бабка, подглядев безобразие в заднее подслеповатое оконце, спешит кормилице на помощь, слышатся приближающиеся шаркающие шаги валенок по траве. Маша, склонившись, закрывает руками глаза. Увлечённый Виталик всё ещё

продолжает объезжать животное.

Б. Ах, хулиган! Ну и хулиган!.. (немного отдышавшись) Слезай! Слеза-ай!! – она на ходу рвёт крапиву, видимо, за-скоружные руки почти не чувствуют жжения.

В. (отчаянно кричит) Не надо! Я только чуть-чуть! Хотел покататься! – Он скатывается с козьей спины в траву и старается спастись, сколь возможно быстро уползая по-пластунски в ближайший бурьян. Освободившаяся коза галопом отбегает в сторону, но затем, следуя радиусу привязи, снова оказывается рядом с Виталиком и предательски мекает, словно указывая на него копытом. Виталик, чуть не плача, выскакивает из засады и пускается наутёк, куда глаза глядят.

– Вот я щас тебе! – нагоняет бабка, – вот погоди!

Мш, Бабушка, не надо!

Б, И тебе достанется! Не води хулиганов на двор. Родители непутёвые, и сама непутёвая! Ишь какого кавалера нашла!

Маша убегает вслед за Виталиком. Неспособная состязаться с ними в скорости, старуха доходит до козы и, переводя дыхание скармливает ей заготовленный крапивный венник.

Б. Ешь, Зорька, ешь... Ишь, ироды!

Коза морщится, но ест.

Маша и Виталик, сделав большой круг, опять оказываются на деревенской улице.

В. Тебя родители сюда на лето отправляют?

Мш. (серьезно) Они пьяницы. Я с ними не живу.

В. И зимой здесь живешь?

Маша насупилась и не отвечает.

В. А они где живут?

Мш. В городе. А у тебя папа пьёт?

В. Водку? По праздникам. И мама тоже. Пойдём теперь ко мне в гости – мама кушать звала.

Маша отрицательно поводит головой.

Мш. Я боюсь.

З. Кого ты боишься?

Мш. Твоей сестры. Она злая.

В. Да ну, какая она злая? Майка...

– Злая, злая, злая! – Маша вдруг почти срывается на плач. Она на меня так посмотрела – вот так на меня посмотрела (пучит глаза)! Она меня кочет съесть!

В. Ты дура, да?

Мш. Сам дурак. Меня бабка теперь выдерет.

В. Не выдерет. Я папе скажу – пусть он ей скажет.

Слышен голос Светланы:

– Виталик! Обед готов!

В. Пойдем!

Маша мотает головой: Нет, – пятится и опять прикрывает лицо руками.

В. Ну и дура!

Маша отмахивается от него, со всхлипом отворачивается и припускает бегом, сверкают босые грязные пятки.

– Дура! дура! дура! – орёт ей вслед не на шутку рассердившийся Виталик.

– Что это ты там развоевался? – недовольно спрашивает вышедший за калитку отец. – Разве так я тебя учил разговаривать с дамами?

В. Она оказала, что наша Мая злая!

Вл. А они что, уже успели пообщаться?

В. Нет, она только её видела, и всё.

Вл. Ну ладно. Может, она ей напомнила кого-нибудь плохого, кто её раньше обижал. Ты-то на нее не кричи, слышишь?

В. Хорошо, пап...

Вл. Пойдем есть.

Оба идут домой. Солнце клонится к закату. Всё настойчивее гудят комары. Сгущающиеся облака предвещают дождь. Обозначившаяся в одном из просветов бледная дневная луна выглядит всё такой же полной.

Всё семейство в сборе за позднеобеденным столом. Миня – рядом со своей банкою из-под кильки.

– Ну что? Теперь не грех и выпить, – говорит Владимир и достает из рюкзака бутылку водки. – Со стаканами вот беда, – он наливает себе в оббитую по краям и подржавленную эмалированную кружку,

Вл. (спрашивает супругу) Ты будешь?

С. Давай чуть-чуть.

Владимир наливает и ей в пластмассовый стаканчик и поднимает кружку:

– Итак, свершилось. Как у нас, кстати, прошёл первый день? (обводит присутствующих взглядом) Без потерь?.. Ну, что Мая слегка обгорела – этого следовало ожидать.

М. Слегка – не считается.

Вл. (продолжает) Виталик завёл новое знакомство. Как, кстати, зовут девочку?

В. Маша.

Вл. Уж не той ли это бабки внучка? У которой я яйца брал. Коза у них есть?

В. Да.

Вл. Тогда ясно, почему она мне молока не дала. Да, а сегодня почему-то приглашала... Но лень – вот мой напиток (указывает на водку и выпивает).

Светлана делает глоток из своего стакана.

Вл. (закусив) Всё, хватит сибаритствовать. Завтра отправляемся на обследование окрестностей.

С. Прямо завтра? Я бы еще прибралась. Может, я останусь, а? А вы бы полазили – так, по опушке.

Вл. Мадам, вы разрушаете коллективные планы. Так, Миня? (собака преданно оглядывается из своей посуды). Выходим все. Берем с собой компас, карту... Карта, правда, фиговенькая... Палатку брать не будем – с расчётом к вечеру вернуться.

С. Ну ладно бы там ещё – за грибами, за ягодами... (видя лицо мужа) Всё, молчу, молчу..

Вл. Что скажет молодежь?

М. Если честно: я бы осталась с мамой. Но, если папа так хочет, я готова идти.

Вл. Что это в самом деле? Собираемся, как на полярную зимовку? Пойдем гулять, и баста.

В. Папа, Маша сказала, что там, где-то в лесу, есть плохое место.

Вл. Плохое место? Первый раз слышу. Мне бабка говорила насчет медведей.

В. Про плохое место ей тоже бабка говорила.

Вл. Может, она ей просто для острастки, чтоб далеко в лес не уходила. Ладно, выпьем, – чокаются со Светланой и выпивают. – А чего вы не едите? Вон Миня уже всё уплёл.

Миня подбегает к столу, виляя хвостом. Все, словно

вспомнив о том, что голодны, принимаются за еду.

Вл. И надо с собой чего-нибудь взять поесть. Как раз яички пригодятся.

С. Я одно для Маи зажарила.

Вл. Ладно, а остальные свари.

Все сосредоточенно жуют.

—

Подкрепляется, сидя у себя за несколько высоковатым для неё столом, и девочка Маша. Она ест белый хлеб и запивает его молоком из гранёного стакана. Бабка сидит напротив, прихлёбывая чай в прикуску.

Мш. Ба, а если они попадут в плохое место?

Б. Типун тебе на язык... Ешь, ешь...

Мш. Ба, а ты колдунья?

Б. Тебе кто, кавалер что ли твой сказал?

Мш. Ты злая?

Е. Тьфу ты, Господи! Откуда такое у тебя в голове?! Ложись спать.

На улице уже заметно потемнело. Закатного солнца и луны не видно из-за туч. Вот-вот польёт дождь. Бабка зажигает лампадку и молится в полутьме. На цепи поскуливает Трезорка, первые капли дождя падают ему на нос.

Утро, мокрое после ночной непогоды. Солнце только что успело вырваться из-за расходящихся туч, но уже заметно теплеет и па'рит. День обещает быть жарким.

Семейство, экипированное по-походному, движется по дороге в лес, минуя бабкин дом. Бабка, согнувшись, полет грядки, и Владимир её не замечает. Зато сама она, словно что-то почувствовав (хотя собака на этот раз молчит), распрямляется и широко крестит уходящим спины. Из дому выбегает, наблюдавшая за нею в окно, Маша. Бабка оборачивается к ней и говорит: Ушли.

Маша спешит к забору, чтобы увидеть самой. Бабка, утирая концом платка пот со лба, приглядывается к внучке с печалью.

Мш. Они скоро вернуться?

Б. Чего не знаю, того не знаю... Помоги-ка бабе!

Внучка начинает полоть, сидя на корточках, по-детски медленно, с любопытством исследуя каждый сорнячок. А старуха, опершись на клюку, смотрит дальнозоркими глазами на всё уменьшающиеся фигурки, при этом она беззвучно шевелит губами и иногда, как от нервного тика, встряхивает головой; ловит на себе пристальный взгляд Маши, и некоторое время они молча смотрят друг на друга.

Семейство, включая собаку, быстро скрывается в лесу.

Знойный звенящий полдень. Вверху – пряная лесная духота, внизу – сырая обочинная трава, лужи цвета кофе с молоком. Герои осторожно продвигаются по скользкой, распыханной гусеничными тракторами, дороге.

С. Все ноги мокрые.

Вл. Хорошая, между прочим, дорога.

С. Да уж, хорошая – колдобина на колдобине... (спотыкается)

М, Пап, а мы куда собственно идём?

Вл. Собственно – по дороге до поля.

М. А ты уверен, что там есть поле?

В. (слыша в лесу странные звуки) Ой, что это?!

Вл. Какая-нибудь птица, тетерев или...

В. Я думал, бензопила.

М. Похоже.

С. Да чего мы, собственно, туда тащимся? Почему именно туда?

Вл. Уж, если на то пошло, судя по карте, там есть крупная деревня, а в ней есть магазин, а магазин – ведь нам всё равно нужен?

С. Это, конечно, меняет дело, но сколько до неё, до этой деревни?

Вл. Я полагаю, еще не меньше десяти километров. А что

вы хотите – мы только вышли.

С. Ну и расстояньица здесь!

В. Смотри! – он подбегает к зацветающему на солнцепёке дуднику и, сняв с бело-зелёного зонтика бронзовку, подносит добычу к глазам отца.

Вл. Отпусти её.

В. Я немножко поиграю, можно?

Вл. (поколебавшись) Немножко – можно. Только не замучь насмерть. Лучше сразу отпусти.

М. Па! Смотри, кажется, просвет.

Вл. Увидим (прибавляет шаг).

Все пытаются сделать то же самое. Последним, полакивая то из одной, то из другой лужи, семенит, уже успевший заметно выпачкаться в дорожной грязи, Миня.

Виталик сажает жука на дно полупустой спичечной коробки и, на ходу поднося ее к уху, внимательно слушает доносящийся оттуда шебуршащий звук.

Светлана убивает на своем лбу очередного слепня: На пот летят, кровопивцы! Ну? Придём ли мы в эту деревню? А придём – что потом?..

Вл. Купим, что надо, и назад. Как раз засветло вернёмся. По крайней мере, будем знать, где тут магазин.

– Точно? – Светлана убивает у себя слепня на шее. – Жара-то какая! Гроза наверно будет,

М. Папа, а мы взяли зонтики?

Вл. Это ты так шутишь?.. Хотя... Зонтики в лесу всё рав-

но довольно бесполезны.

Виталик всё слушает своего жука. Процессия скрывается за очередным, уводящим слегка в гору, поворотом. Оставленные в глинистой земле, следы медленно наполняются водой. С продолговатого елового корня в глубокую лужу прыгает крупная изумрудно-зелёная лягушка. В приобочинном валежнике суетится юркая землеройка. По водной глади расходятся медленные круги.

Небольшая заминка...

С. И это не тот просвет, и это не тот... Где же тот? Сил моих больше нету.

Вл. Выйдем на поле и отдохнем. Здесь всё равно негде притулиться. Я ж сказал – десять километров.

С. Мы все двадцать прочапали.

М. Я устала.

Вл. Ну хотите, подождите меня здесь, а я быстро схожу вперёд и узнаю, стоит ли туда идти. На это уйдёт не больше часа. Я думаю, уже совсем близко. Только вас комары заедят.

С. Вот именно. Их почему-то стало больше.

Вл. Солнце скрылось.

М. Я устала.

Вл. Ещё каких-нибудь два-три километра, девочки, и мы у цели. Два-три – ерунда? Правда, Виталик?

Виталик подтверждает слова отца сдержанными кивками, видно, что и он притомился. В лесу справа раздаётся громкий треск. Уши Мини мигом взлетают, он нюхает воздух.

Вл. Медведь?

С. Вот видишь, куда ты нас завёл. Ладно, пошли быстрее. Ещё пара километров, и, если не будет никаких изменений, разворачиваемся и идём назад, – она прислушивается, но треска больше не слышно, лишь комары.

– Дай попить! – просит мать Мая и со стоном поднимается, с найденного ею на обочине сухого местечка.

Светлана, было начавшая двигаться, приостанавливается, давая возможность дочке достать у себя из рюкзака уже наполовину отпитую литровую бутылку с чаем.

Мая пьёт.

– Виталик, ты будешь? – спрашивает мать. Виталик подходит и тоже пьёт, и Светлана делает несколько глотков. Владимир воздерживается. Все идут.

17

Вся семья в раздумии стоит перед открытым пространством.

Вл. Я же говорил, поле.

С. Что толку? Дождь уже начинается. А где твоя хвалёная деревня?

Вл. Раз есть поле, значит будет и деревня.

М. Ты оптимист, папа.

В. Мам, а что мы там купим?

М. (вдруг приободрившись) Ну пойдёмте быстреей, а то в

самом деле вымокнем – надо ж куда-то спрятаться.

Вл. Вопрос – куда? (осматривается) Может, в лесу остаться?

М. А вон какая-то тропинка.

Вл. Ну что, идём по ней или прячемся под деревьями?

С. Нет уж, я твоим лесом по горло сыта. Пусть меня лучше в открытом месте гром-и-молния поразит.

М. По-моему, мама права.

Вл. (удивляется) Вот ведь, лесоненавистицы!

Все идут по едва заметной тропинке через поле, которому не видно конца. Колонну возглавляет Мая. На горизонте то и дело вспыхивает молния, доносятся громовые раскаты, с неба изредка срываются увесистые тёплые капли. В безветренном волглom воздухе полно комаров, они стелятся понизу.

– Весь твой репеллент от пота слезает, – досадует Светлана, обтирая лицо тыльной стороной ладони. Затем она достает аэрозоль и с ожесточённостью, достойной лучшего применения, обрызгивает ею себя и всех, находящихся на доступном расстоянии. Миня, фыркающая, отбегает в сторону.

Поле идёт на понижение, и в сгущающейся грозовой мгле среди зарослей кустарников впереди, герои различают какое-то строение.

Вл. Я же говорил. Видите?

Они торопятся – без лишних слов – под пока ещё очень неспешно усиливающимся дождём. Чем ниже они спуска-

ются, тем тучнее становятся, сгущаются заполняющие всё пространство вокруг разнообразные сорняки. Тропинка же делается всё более условной, видно, что по ней, по крайней мере с прошлого года, никто не ходил. В самом низком месте ложбины они переступают растрескавшееся пересохшее русло ручья и начинают подниматься на – в отличие от приведшего их сюда пологого спуска – крутой песчаный склон, почти бестравный, поросший редковатым молодым сосняком.

– Ой, кладбище! – восклицает Виталик, указывая на торчащий неподалеку чёрный покосившийся крест. – Вот ещё один, – снова указывает он...

Вл. Я же говорил. Раз есть кладбище, значит точно деревня рядом. Ещё минуточку терпения, – но это он говорит для самого себя, так как все, не слушая его, устремляются вперед, и ему приходится их догонять.

Семейство, перестроившись в цепочку, быстро лавирует между едва различимыми могилами. Кое-где попадаются и относительно свежие каменные памятники, можно даже разглядеть надписи и фотографии на керамике. Однако, выглядят все могилы на их пути так, словно за ними никто не ухаживал вот уже самое малое лет десять. Искусственные цветы давно превратились в гроздья бурых отбросов, цветы же саженные разбрелись кто куда по всей кладбищенской территории. Почти на всех холмиках, имеющих, впрочем, тенденцию к сравниванию, пышно растёт земляника.

– Ой, ягоды! – замечает Мая и тычет пальцем в одну из оград.

– Какие еще ягоды, – не верит Светлана. – И, правда, земляника!

Виталик, которому от могильного окружения всё более становится не по себе, пользуется остановкой, чтобы вцепиться в рукав отца: Пап, а вдруг это и есть плохое место?

Вл. (подумав) Не думаю, – он обращает внимание, что его сын дрожит, почти стучит зубами.

Вл. Ты чего такой бояка?

С. Слушай, Володь, для земляники вроде рановато?

Вл. (стараясь сохранить общее спокойствие) Я тоже так думаю.

Огорошенные находкой, все они никак не могут стронуться с места. Миня попеременно: то тревожно принохивается, то заискивающе тычется в колени и пытается заглянуть в глаза хозяевам. Дождь, между тем, так же медленно, как верно, продолжает нарастать. Капли с деревьев, значительно более прохладные, чем в поле, то и дело попадают за шиворот или на лицо и запястья кому-нибудь из героев. Это заставляет их вздрагивать. Над заброшенным кладбищем царит не соответствующая времени суток полутьма. Тучи висят низко-низко – словно волочатся брюхами по земле. К тому же, так хорошо перевалило за обед, и солнце, пребывая в западной стороне неба, не только задрапировано толстой облачностью, но и скрыто от взора героев тяжелым лесистым

бугром.

Мая наклоняется, чтобы получше рассмотреть, какие такие ягоды растут на могиле. Просунув руку между проржавелых прутьев ограды, она приподнимает мокрые листья и убеждается, что ягод много и все они, как на подбор, крупные, багрово-красные, кажущиеся чёрными от недостатка света,

– Не вздумай есть! – спохватывается Светлана.

Мая поспешно распрямляется: Тогда пойдёмте быстрее, мы здесь вымокнем как цуцики, – предлагает она резонно, но несколько обиженно,

– За мной! – командует Владимир, словно наконец приняв важное решение, и, не отпуская сыновней руки, начинает ускоренное движение среди уцелевших оград и возвышений.

Миня немного приотстает и, задрав ножку, писает на торчащий прямо из усыпанной хвоей земли витиеватый чугунный крест. Метрах в двадцати сбоку с хрустом взлетает маленькая птица. Вскинувшись и твякнув для порядка, Миня, не разбирая дороги, пускается вдогонку уходящим.

Крутизна склона, постепенно сравниваясь к вершине, переходит в окончательно ровное место. Могилы здесь ещё более старые, а древесная растительность совсем редкая и преимущественно лиственная, судя по породам – посадки. На этом, относительно открытом, участке усиливающийся дождь становится заметнее. Гром погромыхивает теперь уже

непрерывно.

– Вон, – указывает Владимир полкой на нечто, в чём отсюда едва можно угадать полуразвалившуюся кирпичную стену.

– Плохой дом, – говорит угрюмо испуганный Виталик.

– Да церковь это, – констатирует зоркая Мая и устремляется к открытию первой.

Между нею и остальными в нерешительности мечется Миня. Владимир медлит. Подняв лицо, он смотрит в кусочек беспросветного неба. Сзади подходит Светлана и упирается ему подбородком в плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.